

А.В. СЕМЕНОВ

КОРНИ ТРАВЫ: ПАТТЕРНЫ НИЗОВОЙ ГОРОДСКОЙ МОБИЛИЗАЦИИ В РОССИИ

СЕМЕНОВ Андрей Владимирович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Социологического института РАН – филиала ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия; старший научный сотрудник Центра сравнительных исторических и политических исследований, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермь, Россия (andreysemenov@comparativestudies.ru).

Аннотация. В статье анализируются основные характеристики низовой городской мобилизации в России в 2012–2014 гг. и устойчивые конфигурации городских конфликтов. С помощью статистики и кластерного анализа показано: наиболее частыми являются протесты против застройки городской территории; уничтожения рекреационных зон; некачественного предоставления муниципальных услуг; деградации транспортной инфраструктуры; мобилизация обманутых дольщиков. Проблемы, связанные с развитием городских территорий и городским управлением, характерны для российских городов. Однако по ряду характеристик мобилизация, направленная на решение этих проблем, различается. Протесты в метрополисах более интенсивны и разнообразны в репертуаре и адресатах; в менее крупных городах протестующие больше полагаются на прямые действия. Низовая мобилизация – постоянный фон городской жизни в России: горожане систематически реагируют на угрозы среде их обитания и требуют расширения участия в городской политике, что указывает на важность развития эффективных путей согласования интересов граждан и власти.

Ключевые слова: низовая мобилизация • городская политика • коллективные действия • протесты

DOI: 10.31857/5013216250007746-3

Постановка проблемы. Российские города претерпели серьезные изменения в период экономического роста 2000-х гг.: менялась инфраструктура; правила застройки; модели освоения территорий. Городские муниципалитеты в условиях растущего спроса на землю, коммерческую и жилую недвижимость, устаревших инструментов городского планирования и растущей нагрузки на инфраструктуру столкнулись с непростой задачей согласования интересов публичной власти, бизнеса и граждан. Как показывают исследования, в большинстве случаев выбор был сделан в пользу ресурсных игроков и в ущерб нуждам граждан [Глухова и др., 2017, Медведев, 2017]. Горожане оказались перед выбором: принять те или иные изменения в городской среде (включая сокращение зон отдыха, точечную застройку и уничтожение памятников исторического/культурного наследия) или активно сопротивляться им.

Теории городской мобилизации затрагивают рамочные факторы, такие как глобализация [Jacobsson, 2016], особенности политических институтов [Aidukaite, Fröhlich, 2015] и организационной экологии [Robertson, 2011], характер государственного вмешательства [Greene, 2014], так и агентские характеристики участников [Гладарев, 2012, Клеман и др., 2010; Клеман и др., 2013]. При этом используются термины «городской активизм», «городские инициативы» или «городские движения», скрывающие значительную вариацию в масштабе, продолжительности, репертуаре и других характеристиках мобилизации.

Цель настоящей статьи: используя концептуализацию и кластерный анализ более чем 500 низовых конфликтов в средних и крупных городах России, выявить устойчивые сочетания характеристик низовой городской мобилизации, создав своего рода «карту» низовой городской мобилизации.

В основу исследования положена теория политического процесса, разработанная Ч. Тилли, Д. Макадамом и С. Тарроу, в рамках которой мобилизация рассматривается как интенсификация взаимодействий между субъектами и объектами предъявления требований [MacAdam et al., 2003; Tarrow, 2011]. Мобилизация может принимать разные формы – от локализованных публичных проявлений недовольства до широких коалиций. Однако репертуар, адресат, масштаб и контекст являются ключевыми составляющими любых ее форм. Низовая городская мобилизация зарождается вне существующих организаций и имеет целью преобразование городской среды в широком смысле (ее материальных и нематериальных аспектов). В первой части статьи данная концептуализация рассматривается в контексте городских конфликтов и городского активизма в России. Далее демонстрируются устойчивые сочетания характеристик низовой городской мобилизации в 2012–2014 гг. В заключении обсуждается разнообразие форм городского активизма и исследовательская повестка для будущего.

Активизм, социальные движения и низовая городская мобилизация. Низовую городскую мобилизацию можно определить как коллективные действия в публичном пространстве, организованные частными лицами или инициативными группами граждан и направленные на решение проблем, связанных с устройством городской среды. Низовой характер предполагает, по крайней мере на первоначальном этапе, что у мобилизации не было организационного спонсора. Коллективные действия так или иначе связаны с деятельностью институционализированных акторов – партий, профсоюзов, ассоциаций; однако низовой характер определяется коллективными усилиями граждан за пределами существующих организаций. На городской характер поднимаемых вопросов указывает связь с управлением и развитием городской территории, материальной и нематериальной инфраструктурой города. В список таких вопросов входят снос гаражей, строительство торговых центров, развязок и дорог и т.д., уничтожение рекреационных зон и архитектурного облика города, действия муниципальных властей в сфере образования и медицины, регулирование тарифов ЖКХ, распределение земли и муниципальной собственности. Наконец, мобилизация представляет собой коллективные действия в защиту интересов граждан, которые зачастую приобретают форму протеста, но не сводятся к ней: «социальный протест – одна из форм мобилизации» [Яницкий, 2012: 4]. Мобилизация предполагает координацию, общие требования и публичный формат взаимодействия с адресатом; помимо уличных акций она может сопровождаться судебными исками, петициями, открытыми обращениями в СМИ и т.д.

Городская мобилизация в России часто рассматривается в контексте «неолиберальной урбанизации» – передача ресурсов городского развития в частные руки и децентрализация политической ответственности [Jacobsson, 2016; Golubchikov, 2004]. Неолиберальная урбанизация ведет к существенным изменениям в материальной среде, регулировании и управлении городскими процессами (например, тарифами ЖКХ или планами застройки), как правило, в интересах влиятельных акторов, в первую очередь – застройщиков. В России экономический рост 2000-х гг. повысил спрос на коммерческую и жилую недвижимость, в результате чего город стал объектом привлечения массивных инвестиций. Коммодификация земли (особенно в центре крупных городов) стала благоприятной почвой для манипуляции с правами собственности на нее и предметом торга между политиками, бюрократами и бизнесом. Такие изменения далеко не всегда соответствовали интересам граждан и городских сообществ [Herfert, Neugebauer, 2013]. В ответ на активное освоение городского пространства альянсом частного бизнеса и публичной власти с середины 2000-х гг. в крупных российских городах стали появляться низовые инициативные группы и их коалиции. Запрос на консолидацию отразился в создании таких движений, как «Комитет

защиты москвичей», «Архнадзор» в Москве [Зверев, 2015] и «Живой город» в Санкт-Петербурге [Гладарев, 2012]. Широкую мобилизацию в столицах вызвали проекты строительства небоскреба «Охта-Центр» и федеральной трассы в Химках [Evans, 2012]. Объединения домовладельцев, недовольных жилищной политикой, хоть и ненадолго, но сформировали межрегиональные сети для координации своих усилий [Клеман и др., 2010]. Наконец, в ряде городов альянсы НКО и местных сообществ инициировали участие граждан в стратегическом городском планировании [Халий, 2007]. Случаи широкой мобилизации подробно освещались в СМИ и позволяли исследователям провести полевую работу. В меньшей степени в фокусе внимания оказывались небольшие и локальные по своему характеру городские протесты.

Определяющей характеристикой коллективной мобилизации в России стала «враждебная» среда: низкая отзывчивость чиновников и их настороженное отношение к любому активизму [Yanitsky, 1999], непоследовательный характер государственного вмешательства в регулирование ключевых вопросов общественной жизни [Greene, 2014], пассивность и патернализм населения [Халий, 2008]. Тем не менее даже в этих условиях местные сообщества демонстрировали способность к самоорганизации и коллективной защите своих интересов. В целом, низовая городская мобилизация в России встроена в комплексную сеть причинно-следственных отношений между глобальными процессами (вроде распространения неолиберальной модели управления) и локальными условиями, медиаторами которых выступают характеристики местных сообществ и политических институтов. Однако два обстоятельства мешают сформировать более общую теорию городской мобилизации: различия в методологии и включение небольшого числа случаев в анализ. Различные стартовые методологические позиции (включая интерпретацию ключевых терминов) – обычное дело в социальных науках; проблемой является, скорее, недостаток систематического диалога между различными подходами. Другая проблема – отсутствие сравнимых данных по большому количеству случаев, описание которых позволило бы сопоставить объяснительную силу теоретических подходов. Для проведения сравнения случаи должны быть относительно эквивалентны: низовая городская мобилизация принимает множество форм, которые могут быть связаны с разными причинно-следственными механизмами. Признание гетерогенности и анализ устойчивых конфигураций низовой городской мобилизации поможет решить данные методологические затруднения.

Эмпирический анализ низовой городской мобилизации в России (2012–2014).

Публичный протест – наиболее видимая часть низовой городской мобилизации. Публичное предъявление требований предполагает серьезные затраты и преодоление ряда дилемм коллективного действия [Lichbach, 1993]. Зачастую протесты являются «последним средством» в ряду более конвенциональных средств защиты интересов (судебные иски, обращения в органы власти, петиции) и свидетельствуют об остроте поднимаемой проблемы. Их анализ, таким образом, позволяет зафиксировать и описать низовую мобилизацию в ее открытой фазе. Для настоящего исследования был создан каталог городских конфликтов с 2012 по 2014 г. В каталоге содержится информация о более чем 500 случаях низовой городской мобилизации по всей стране. Методика сбора данных основывается на «событийном анализе» [Семенов, 2018]. Эти данные не отражают всей картины низовой мобилизации: во-первых, она может принимать более конвенциональные формы; во-вторых, событийный анализ, основанный на сообщениях СМИ, по определению не может покрыть весь спектр публичных протестов в силу особенностей функционирования медиа [Ortiz et al., 2005]. Данная проблема решается за счет опоры на множественные источники, полученные с помощью запроса в системе «Интегрум» – крупнейшем репозитории сообщений российских СМИ.

Согласно данным, низовая городская мобилизация составляет около 8–10% случаев от общего количества протестных акций: этот паттерн стабилен на протяжении всего периода наблюдения. Городские вопросы в целом поднимались в 17% случаев (табл. 1.); таким образом, большая часть мобилизации по локальным вопросам носит низовой

Таблица 1

Частота городских протестов в России

Год	Всего протестов	Городские протесты	Доля	Городские низовые протесты	Доля
2012	2399	381	0,16	219	0,09
2013	2075	400	0,19	217	0,10
2014	1315	212	0,16	107	0,08
Всего	5789	993	0,17	543	0,09

характер. Интенсивность низовой городской активности, следуя за общим трендом, снизилась с 381 акции протеста в 2012 г. до 107 в 2014 г.

Спектр вопросов достаточно широк (табл. 2.): в первую очередь это протесты против строительства, включая уплотнительную застройку, а также уничтожения рекреационных зон (парков, скверов, лесов). Зачастую мобилизация происходит одновременно против вырубки на местах предполагаемого строительства, поэтому эти два типа протестов тесно связаны. Совокупно порядка 37% от общего числа акций в 2012–2014 гг. проводилось именно по этим поводам. Каждый десятый протест связан с выселением/расселением жильцов из ветхого/аварийного фонда, примерно такая же доля протестов приходится на недовольство работой органов муниципальной власти (отключение теплоснабжения/электричества, закрытие объектов социальной инфраструктуры – школ, больниц, детских садов, спортивных учреждений и т.д.) и на обманутых дольщиков.

Таблица 2

Тематика городских низовых протестов в России (2012–2014 гг.)

Поводы городских конфликтов	Частота	Доля
Строительство	166	0,30
Транспорт/дороги	63	0,12
Расселение/выселение	62	0,11
Муниципальный сервис	55	0,10
Долевое строительство	53	0,10
Рекреационные зоны	41	0,09
Другое	40	0,02
Индустриальное развитие	22	0,04
Защита историко-культурного наследия	16	0,03
Инфраструктура	9	0,02
Мусор	9	0,02
Земельные вопросы	7	0,01
Всего	543	

Важный элемент анализа мобилизации – адресат и репертуар протеста. Публичная власть всех уровней выступает наиболее частым объектом предъявления требований. Протестующие обращались к муниципальной власти в 48% всех зафиксированных случаев, к региональной власти – в 21% случаев и к федеральной – в 7%. Частный бизнес становился объектом критики в 77 случаях (14%) низовой мобилизации. Локальная власть чаще всего представляется протестующим источником проблем с незаконной выдачей разрешения на строительство; распределением земельных участков; решениями о закрытии социальных учреждений (школ, детских садов, больниц) или о расселении. Региональная и федеральная власти выступают инстанциями «разрешения» местных конфликтов.

Обманутые дольщики и граждане, оказавшиеся в тяжелых жилищных условиях, обращаются к главам субъектов, правительству и президенту в первую очередь за помощью. Застройщики и другой частный бизнес воспринимаются враждебно. В подавляющем большинстве случаев протесты направлены в адрес одной инстанции.

Репертуар низовой городской мобилизации в первую очередь состоит из традиционных митингов, пикетов и петиций (56% всех акций). Однако высока доля прямых действий различного рода (117 акций или 21%) – перекрытий дорог, блокад зданий, стихийных сходов. Одинаковые доли (4%) составляют голодовки и перформансы. Большая доля прямых действий указывает на реактивный характер значительного числа случаев низовой мобилизации.

Кластеризация городской мобилизации. Систематический характер собранных данных позволяет подробнее рассмотреть паттерны низовой мобилизации. Кластерный анализ ограничивается городами с населением более 50 тыс. чел. и основывается на четырех характеристиках – репертуар мобилизации, адресат, количество участников и размер города (переменная была дискретизирована на города численностью 50–100 тыс., 100 тыс. – 1 млн, более 1 млн жителей и федеральные города). Дистанция Говера использована для создания матрицы расстояний. Предварительная диагностика показала: десять кластеров – оптимальное число для данного набора наблюдений. В дальнейшем был проведен анализ с помощью метода разделения вокруг медоидов (partitioning around medoids, PAM). Иерархический кластерный анализ, выполненный для контроля устойчивости, показал схожие результаты.

Протесты против городской застройки, будучи самым частым видом низовой мобилизации (166 наблюдений), кластеризуются в четыре группы. В первую очередь это акции прямого действия против начавшегося строительства: перекрытие подходов к стройке; снос заборов; оккупация строительных площадок. Как правило, эти действия осуществляются жителями прилегающих к месту строительства домов, собирая сравнительно небольшое количество участников (30–60, в зависимости от адресата протеста). Если протестующие переходят от прямого действия к митингам, то в больших городах привлекают гораздо больше участников (100–218), а в городах-миллионниках протестующие чаще обращаются к региональным властям, чем к частному бизнесу (после муниципалитетов). Устойчивый кластер образуется вокруг протестов по поводу уничтожения рекреационных зон (в первую очередь – парков). Эти протесты направлены на местные власти и частный бизнес и собирают в среднем от 50 до 250 участников.

Другой устойчивый кластер – мобилизация против местных властей по поводу предоставления муниципальных услуг (перебои с работой предприятий ЖКХ, завышенные тарифы, низкое качество социальных услуг). Эти протесты характерны для больших городов, но даже там они собирают порядка 40–60 участников, то есть носят исключительно локальный характер. Низовые протесты по поводу качества транспортной инфраструктуры (состояние дорог и маршрутных сетей, доступность публичного транспорта для отдаленных микрорайонов) также образуют отдельный кластер и характерны для больших городов. В данном кластере протестующие предпочитают прямые действия со средним количеством участников от 83 до 161.

Отдельный вид составляют протесты «отчаяния»: против выселений, расселений, отъема земли, замораживания строительства и т.д. Основной репертуар – голодовки, в некоторых случаях конфликт доходит до попыток самосожжения. Протесты такого рода немногочисленны по составу (4–10 участников), в кластер входит 40 наблюдений. В свою очередь, мобилизация обманутых дольщиков характеризуется направленностью на региональные власти, средним по размеру составом (30–77 человек) и концентрацией в крупных городах. Наконец, столичная мобилизация – в Москве и Санкт-Петербурге – включает значительную часть акций в защиту историко-культурного наследия, отличается широким репертуаром и числом участников (от 30 до 297).

В пространственном разрезе крупные города – наиболее благоприятная среда для низовой мобилизации: из 10 городов с наибольшим количеством протестов только Владивосток и Саратов имеют население меньше 1 млн чел. Однако связь между численностью населения и интенсивностью низовой мобилизации не является линейной: для городов с населением до 1 млн она слабоположительная, тогда как количество низовых протестов резко начинает расти при переходе к городам-миллионникам.

Иными словами, если включать в выборку только города-миллионники, размер населения оказывается сильно и положительно связан с низовой протестной активностью. Протесты в городах с населением до 500 тыс. чел. имеют исключительно локализованный и партикуляристский характер: так, в Анапе, где живет около 60 тыс. чел., единственный зафиксированный локальный протест за 3 года – это голодовка 37-летней женщины против принудительного выселения.

Выполненный анализ показывает: в российских городах существует постоянный уровень «напряжения», обусловленный ответом индивидов и локальных сообществ на действия бизнеса и власти по регулированию и/или изменению городской среды. Значительная часть низовой мобилизации сконцентрирована в городах-миллионниках. Можно предположить, что именно в этих городах изменения происходят наиболее интенсивно и граждане сталкиваются с вторжением в их среду обитания гораздо чаще. Но даже в крупных городах низовая мобилизация распадается на множество кластеров, каждый из которых отличается по ключевым характеристикам. Те же протесты против проектов застройки существенно отличаются друг от друга по масштабам, репертуару и адресату, свидетельствуя о разрозненном и локализованном характере мобилизации.

Заключение. Пространство российских городов выступает местом столкновения интересов различных групп. Основной повод для мобилизации – это застройка территории. Состояние публичной инфраструктуры и качество предоставления муниципальных услуг, жилищные вопросы (как в форме выселения/расселения, так и в форме замороженного долевого строительства), доступ к рекреационным зонам также выступают распространенным поводом для мобилизации. В меньшей степени горожан волнует появление новых промышленных объектов в зоне их обитания, защита историко-культурного наследия, проблемы с инфраструктурой и земельные вопросы. Основным адресатом предъявления требований является местная власть, а формой мобилизации – митинги.

Отдельные характеристики складываются в устойчивые паттерны: уязвимые и менее ресурсные группы чаще прибегают к акциям прямого действия и голодовкам; обманутые дольщики обращаются в первую очередь к региональным властям посредством митингов, а мобилизация жителей столичных городов отличается широким спектром адресатов и разнообразным репертуаром.

О чем говорят эти данные? Во-первых, они дают возможность оценить адекватность общих теорий (наподобие неомарксизма), связывающих мобилизацию с экспансией неолиберализма и глобализацией. Большинство низовых протестов так или иначе связано с коммодификацией городского пространства и дерегулированием городского планирования, распространение которых традиционно связано с экспансией неолиберальной модели управления. Застройщики, против проектов которых мобилизуются жители, в условиях растущего спроса на недвижимость пользуются пробелами в законодательстве и своими связями в локальной администрации, чтобы продвигать свои интересы, что и вызывает возмущение жителей. Впрочем, требования протестующих почти всегда касаются отдельных решений, а не законодательных рамок или проводимой политики. Анализ свидетельствует, что применять термин «городские движения» в российском контексте нужно с серьезными оговорками: в редких случаях низовая мобилизация развертывается в масштабные кампании или приобретает институционализированный характер (как в случае с «Архнадзором» или «Комитетом защиты москвичей»). Большая часть протестов, будучи лишь наиболее видимой частью репертуара мобилизации, все же остается локализованной в пространстве и времени. Даже по сравнению с Китаем, где мобилизация

домовладельцев привела к улучшению качества городского управления и городской среды в целом [Wright, 2018: 92–114], низовые протесты в России редко расширяют число своих сторонников и выходят за пределы частных требований. Почему так происходит – предмет для будущих работ в этой области.

Наконец, наш анализ точнее отображает связь с российским контекстом и характеристиками мобилизации. Больше всего конфликтов связано с вопросами градостроительства, где определяющую роль играет позиция муниципалитета в отношении генерального плана, правил землепользования и застройки, других нормативных документов. Таким образом, значительная доля низовых протестов возникает в ответ на совершенно локальные по своему масштабу действия властных акторов. Однако градостроительная политика редко оказывается предметом оспаривания – из-за слабости профессиональных организаций, непрозрачности этой политики и других факторов, которые также могут стать предметом последовательного изучения. Тем не менее данное исследование показывает, что мобилизация не всегда носит исключительно «негативный» [Гудков, 2005] характер, но зачастую трансформирует местные сообщества в позитивном ключе, генерируя коммуникативное пространство и вовлекая индивидов и группы «в процессы критического осмысления существующего порядка вещей» [Яницкий, 2012: 12].

Представленные выводы имеют ограничения. Агрегирование отдельных событий низовой мобилизации позволяет измерить масштаб явления, а также выделить устойчивые конфигурации городских протестов, но не раскрывает внутреннюю механику коллективного действия. Является ли протест субститутотом или дополнением других форм отстаивания интересов горожан, таких как контакты с представителями власти, оспаривание действий властных игроков через прокуратуру или суд либо освещение событий в медиа? На каких этапах и при каких условиях горожане предпочитают эскалировать конфликт? Наконец, есть ли возможность (и заинтересованность сторон) в создании институтов согласования интересов? Поскольку городское пространство, качество его устройства и доступность являются публичными благами, решение последнего вопроса напрямую связано с выработкой политического курса на улучшение жизни горожан.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гладарев Б.С. Градозащитные движения Петербурга накануне «зимней революции» 2011–2012 гг.: анализ из перспективы французской прагматической социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2012. № 4(110). С. 29–43.
- Глухова А.В., Кольба А.И., Соколов А.В. Политико-институциональные и коммуникативные аспекты взаимодействия субъектов городских конфликтов (по материалам экспертного опроса) // Южно-российский журнал социальных наук. 2017. № 4. С. 44–65.
- Гудков Л.Д. Феномен негативной мобилизации // Общественные науки и современность. 2005. № 6. С. 46–57.
- Зверев А.А. «Мы наш, мы новый мир построим!» Факторы эволюции движения по охране памятников в Москве (1990–2015 гг.) // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2016. № 1(12). С. 90–105.
- Клеман К., Мирясова О., Демидов А. От обывателей к активистам: зарождающиеся социальные движения в современной России. М.: Три квадрата, 2010.
- Клеман К., Гладарев Б., Мирясова О. Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Медведев И.Р. Разрешение городских конфликтов. М.: Инфотропик Медиа, 2017.
- Пустовойт Ю.А. Локальный политический режим: от «коалиций координации» к «коалициям контроля» // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4(56). С. 96–101.
- Семенов А.В. Событийный анализ протестов как инструмент изучения политической мобилизации // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 2. С. 317–341.
- Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: ИС РАН, 2007.
- Халий И.А. Местные сообщества в России – носители инноваций и традиционализма // Власть. 2008. № 5. С. 19–26.

- Яницкий О.Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. № 6. С. 3–12.
- Aidukaite J., Fröhlich C. Struggle over Public Space: Grassroots Movements in Moscow and Vilnius // International Journal of Sociology and Social Policy. 2015. Vol. 35. No. 7/8. P. 565–580.
- Evans Jr.A. Protests and Civil Society in Russia: The Struggle for the Khimki Forest // Communist and Post-Communist Studies. 2012. Vol. 45. No. 3–4. P. 233–242.
- Golubchikov O. Urban Planning in Russia: towards the Market // European Planning Studies. 2004. Vol. 12. No. 2. P. 229–247.
- Greene S. Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia. Redwood: Stanford University Press, 2014.
- Herfert G., Neugebauer C.S., Smigiel C. Living in Residential Satisfaction? Insights from Large-scale Housing Estates in Central and Eastern Europe // Tijdschrift voor economische en sociale geografie. 2013. Vol. 104. No. 1. P. 57–74.
- Jacobsson K. Introduction: The Development of Urban Movements in Central and Eastern Europe // Jacobsson K. (ed.) Urban Grassroots Movements in Central and Eastern Europe. London: Routledge, 2016. P. 13–44.
- Lichback M. The Rebel's Dilemma. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1998.
- McAdam D., Tarrow S., Tilly C. Dynamics of Contention. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
- Ortiz D., Myer, D., Walls E., Diaz M.E. Where Do We Stand with Newspaper Data? // Mobilization: An International Quarterly. 2005. Vol. 10. No. 3. P. 397–419.
- Robertson G. The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2010.
- Tarrow S. Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
- Wright T. Popular Protest in China. Cambridge: Polity Press, 2018.
- Yanitsky O. The Environmental Movement in a Hostile Context: The case of Russia // International Sociology. 1999. Vol. 14. No. 2. P. 157–172.

Статья поступила: 13.05.19. Принята к публикации: 17.05.19.

THE ROOTS OF THE GRASS: PATTERNS OF GRASSROOTS URBAN MOBILIZATION IN RUSSIA

SEMENOV A.V.

Sociological Institute of FCTAS RAS, Russia

Andrei V. SEMENOV, Cand. Sci. (Polit.), Senior Researcher, Sociological Institute of FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia; Senior Researcher, Center for Comparative History and Politics, Perm State University, Perm, Russia (andreysemenov@comparativestudies.ru).

Acknowledgements. The research is supported by the Russian Science Foundation, project No. 18-78-10054.

Abstract. Based on the analysis of over 500 cases of grassroots mobilization in Russian cities in 2012–2014, the author analyzes basic characteristics of urban protests and their patterns. The data demonstrate that mobilization against construction projects is the most frequent one, followed by the protests against the demolition of the recreational areas, insufficient quality of municipal services, and degradation of transport infrastructure. Also of high visibility are protests of evicted citizens and hoodwinked house investors. Citizens experience all types of the problems related to the urban development and governance regardless of the type of the city. However, mobilization in metropolitan areas is more intensive and diversified, while protests in the smaller cities tend to be more direct in repertoire and particularistic in demands. The study shows that grassroots urban mobilization constitutes a lasting backdrop for urban governance in Russia. Urban dwellers mobilize when public authorities or business encroach upon their living environment, however, they are less able to be proactive and turn protests into sustained collective challenges like campaigns or movements. The results of the study also point to the necessity of developing effective institutions for communications between all stakeholders in the urban governance process.

Keywords: grassroots mobilization, urban politics, collective action, protests.

REFERENCES

- Aidukaite J., Fröhlich C. (2015) Struggle over Public Space: Grassroots Movements in Moscow and Vilnius. *International Journal of Sociology and Social Policy*. 2015. Vol. 35. No. 7/8: 565–580.
- Evans Jr. A. (2012) Protests and Civil Society in Russia: The Struggle for the Khimki Forest. *Communist and Post-Communist Studies*. Vol. 45. No. 3–4: 233–242.
- Gladarev B.S. (2012) Urban Defense Movements in Saint-Petersburg Before the Winter Revolution of 2011–2012: French Pragmatic Sociology Perspective. *Monitoring obshchestvennogo mneniya* [Public Opinion Monitoring]. Vol. 110. No. 4: 29–43. (In Russ.)
- Gluhova A.V., Kolba A.I., Sokolov A.V. (2017) Political-Institutional and Communicative Aspects of Interactions Between Subjects of Urban Conflicts (Based on Expert Survey). *Yuzhno-Rossiiskii zhurnal sotsialnykh nauk* [South-Russian Journal of Social Sciences]. No. 4: 44–65.
- Greene S. (2014) *Moscow in Movement: Power and Opposition in Putin's Russia*. Redwood: Stanford University Press.
- Golubchikov O. (2004) Urban Planning in Russia: towards the Market. *European Planning Studies*. Vol. 12. No. 2: 229–247.
- Gudkov L. (2005) Phenomenon of Negative Mobilizations. *Obschetsvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World]. No. 6: 46–57.
- Halii I. *Contemporary Social Movements: Innovative Potential of Transformations in Russia in Traditionalist Environment*. Moscow: IS RAN, 2007 (In Russ.)
- Herfert G., Neugebauer C.S., Smigiel C. (2013) Living in Residential Satisfaction? Insights from Large-Scale Housing Estates in Central and Eastern Europe. *Tijdschrift voor economische en sociale geografie*. Vol. 104. No. 1: 57–74.
- Jacobsson K. (2016) Introduction: The Development of Urban Movements in Central and Eastern Europe. In: Jacobsson K. (ed.) *Urban Grassroots Movements in Central and Eastern Europe*. London: Routledge: 13–44.
- Kleman K. (2013) *Urban Movements of Russia in 2009–2012: on the Way to Political*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie (In Russ.)
- Kleman K., Miryasova O., Demidov A. (2010) *From the Philistines to the Activists: The Emerging Social Movements in Modern Russia*. Moscow: Tri kvadrata. (In Russ.)
- Lichback M. (1998) *The Rebel's Dilemma*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- MacAdam D., Tarrow S., Tilly C. (2001) *Dynamics of Contention*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Medvedev I.R. (2017) *Solving Urban Conflicts*. Moscow: Infotropik media (in Russ.)
- Ortiz D., Myers D., Walls E., Diaz M.E. (2005) Where Do We Stand with Newspaper Data? *Mobilization: An International Quarterly*. Vol. 10. No. 3: 397–419.
- Pustovoit Y.A. (2013) Local Political Regime: from «Coordination Coalition» to «Control Coalition». *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Kemerovo State University Herald]. Vol. 56. No. 4: 96–101. (In Russ.)
- Robertson G. (2010) *The Politics of Protest in Hybrid Regimes: Managing Dissent in Post-Communist Russia*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Semenov A.V. (2018) Event-Analysis as a Tool for Political Mobilization Studies. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review]. Vol. 17. No. 2: 317–341. (In Russ.)
- Tarrow S. (2011) *Power in Movement: Social Movements and Contentious Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Wright T. (2018) *Popular Protest in China*. Cambridge: Polity Press.
- Yanitsky O. (2012) Mass Mobilization: Theoretical Issues. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 2: 3–12.
- Yanitsky O. (1999) The Environmental Movement in a Hostile Context: The case of Russia. *International Sociology*. Vol. 14. No. 2: 157–172.
- Zverev A.A. (2016) «We Will Build Our New World!» Factors of the Evolution of the Movement for the Defense of Monuments in Moscow (1990–2015). *Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS* [Political Expertise]. Vol. 12. No. 1: 90–105. (In Russ.)

Received: 13.05.19. Accepted: 17.05.19.